

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Σημειώσεις

ΤΡΟΥΔΥ ΠΟ
ΣΗΜΕΙΩΣΕΙΣ
ΣΥΣΤΗΜΑΤΑ 24

Небесная отверлась дверь,
Над войском облак вдруг развился <...>
Гоня врагов, Герой открылся. (64)
На запад смотрит грозным оком
Сквозь дверь небесну дух Петров <...>
Богиня кротко с ним взирает <...> (93)
И музы воплем провожали
В небесну дверь пресветлый дух. (117)

Кроме «двери» на небе находятся звезды, они являются знаками подвижников и героев, живущих на небе; одновременно они имеют и литературное происхождение:

Ты твердь оставь, о древня лира,
Внесенна баснями кверху мира:
Моя число умножит звезд. (85—86)

Чтобы герой стал таковым, чтобы он мог «поселиться» «в вечности», «за дверь», он должен быть воспет, т. е. должен иметь свою звезду — «хвалой взойти кверху небес» (74, 98); например, музы

И громким гласом возвышают
До самых звезд Елизавет. (105)

Под звездами движется «солнце» — императрица (она же — «орел с перунами»). В центре земли находится гора (иногда она называется Олимп — 86; 127) — место пребывания императрицы-солнца-орла. Ниже — Петербург, Россия; еще ниже — другие страны.

Именно такая организация пространства объясняет, например, и постоянно повторяющуюся легенду о Фаетоне в одах Ломоносова: шведы, наступая на Россию, поднимаются наверх и, в определенный момент, обжигаются о солнце и падают вниз (87; 152). Отражение такого рельефа видно и в следующем сравнении:

Как нельзя лить рекам к вершине
Против крутизны вод своих <...>
Так к нам введи людей твоих [шведов. — Е. П.] (88)

На территории России есть и вторая гора, «пониже» первой (оттуда на императрицу взирают снизу вверх) — Парнас: место, где бываю поэты и ученые, в том числе Ломоносов. С большой горы течет река щедрот (она может называться Невой).

Ода Ломоносова обычно строится следующим образом: этот поднимается на гору Парнас, например:

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой. (61)

САД КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛ У ЛОМОНОСОВА

Е. А. Погосян

Описание социокультурной символики предполагает рассмотрение каждого универсального символа в его исторических и национальных вариантах. Рассмотрим функционирование универсального символа «сад»¹ в системе политической символики периода царствования Елизаветы Петровны.

Обратимся к «Царскосельской оде» Ломоносова (1750 года) — «Ода, в которой ея величеству благодарение от сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость в Сарском Селе августа 27 дня 1750 года». Принято интерпретировать данную оду как отражение автобиографических моментов: реальные «царскосельские впечатления» от поездки туда с И. И. Шуваловым и развитие темы «практической пользы науки»². Так интерпретированная ода оказывается не-условной, биографической, противостоящей всему корпусу похвальных од Ломоносова. Представляется возможным несколько расширить толкование данного текста.

Структура пространства «Царскосельской оды» совпадает с устойчивым «одическим пространством» Ломоносова. Известна условность одической географии в целом и ломоносовской одической географии в частности (напр., так называются «стратегические нелепости» типа «Дамаск пылает»³). Данные факты можно рассматривать не только как «тематические клише» оды (напр., «покорение Востока»), но как особым образом организованное пространство оды, несущее устойчивое символическое значение.

Мир оды Ломоносова — это некоторый конструкт с немнимальным верхом и низом, повторяющимся рельефом, он имеет четко выраженную границу — «край земной», «концы земные», например, «низвергни брань с концов земных»⁴. Сверху землю покрывает твердое небо, в нем существует дверь. Герои и героини, а также «Ветхий деньми» находятся за этой «дверью», в вечности⁵.

Здесь поэт получает способность особого видения и слышания:

Врачебной дали мне воды <...>
Через степь и горы взор простри. (61)

Эту способность видеть и слышать через пространство и время поэт получает и простым восхождением на гору, то есть в мире оды это свойство — свойство пространства, начиная с определенной высоты: точно так видят Господь, герои и героини, императрица-солнце, поэт и ученый с горы Парнас, например:

Мой дух течет к пределам света,
Охотой храбрых дел пленен,
В восторге зрит грядущи лета
И грозный древних вид времен... (98)

Только с горы поэт способен видеть картины европейских сражений, всю Россию в целом, ее недра.

Кроме описанного «одического пространства», в одах Ломоносова существует и другой тип пространства — бесконечное, находящееся в постоянном движении. А. А. Морозов характеризует его как «барочное»: «Словесная живопись Ломоносова отвечает «бесконечной перспективе» барокко:

Вручает вечность мне свой ключ.
Отжинулась дверь, поля открылись,
Пределов нет, где б те кончились...

<...> Пространство, уходя в бескрайность небес, «збылется», находится в вечном движении:

Возри в безмерный круг небес:
Он збылется и помавает
И славу зреть твою желает
Святыя тьмами в ней очес...»⁹

Уже из приведенных Морозовым примеров видно, что описанное «барочное пространство» Ломоносов помещает «за дверь».

Аналогом такой организации пространства может быть рисунок барочного плафона, для которого характерен эффект иллюзорного прорыва в продолжающееся за потолок пространство. Организация «барочного плафона» (и — шире — барочного пространства) предполагает наличие не только «бесконечной перспективы» (на что и указывает А. А. Морозов), но и иллюзорности этой «бесконечной перспективы». Именно в это иллюзорное, а не реальное пространство оказывается помещен не только живописный, но и ценностный центр мира: средоточием ценности оказывается пространство, которого не существует.

Несмотря на структурное соответствие «барочному», мир Ломоносова несколько отличается от описанной модели. В отличие от нее, бесконечное движущееся пространство «за дверь»: соответствует естественно-научным представлениям Ломоносова и отражено, например, в работе «Явление Венеры на Солнце» (в «прибавлении»).⁷ Ценностный центр для Ломоносова помещен в реальное пространство, одический же конструктор оказывается условным: это пространство, которое «ради метафорических выражений с натурою кажется быть не сходственно». В рамках «метафорических выражений» «хотя кто и древние эллинские мнения о семи небесах примет, священному писанию и Павлову сказанию не вредно».⁸

Таким образом, организовав повествование об идеальном государстве (оду), описанное «одическое пространство» получает значение идеальной модели государства.

В «Царскосельской оде» указанная одическая структура сохраняется, но условная одическая география воплощается здесь в реалиях Царского Села. Царское Село описывается как гора — место обитания императрицы:

Какую радость ощущаю?
Куда я ныне восхощен?
Небесну пишу я вкушаю,
На верьх Олимпа вознесен!
<...>
...красных сих высот... (127)

С этой горы течет река Славена, которая уподобляется реке Шедрот, и несет свои воды в Петербург (что соответствует планам Елизаветы соединить Славену с Невой каналом):

Где древним именем Славена
Гордяся пролились струи,
<...> и влагу рассекая,
Пустылась тщательню к Неве. (128)

Гора, где обитает Елизавета Петровна, называется раем (соответственно царскосельский сад оказывается райским садом):

[Славена говорит]
Мои источники венчает
Эдемской равна красага,
Где сад богиня насаждает
<...>
Поля, где небу подражают,
Себя цветами испещряют... (129)

Эта тема реализуется в развернутом сравнении Царского Села с садами Семирамиды и Славены с Нилом — рекой, текущей израя:

⟨...⟩ как Нил широкий,
Который из рая течет. (129)
⟨...⟩
Великия Семирамиды
Рассыпана окружность стен,
И вы, о горды пирамиды,
Чем Нильский брег отягощен ... (130)

Автор оды может быть не только помещен на Парнас, но и сам обозначать Парнас, как это происходит в «Царскосельской оде». Автор рядом с императрицей описывается следующим образом:

Какую радость ощущаю? ⟨...⟩
Но истинно Петрова дщерь
К наукам мастерски снисходит ... (128)
То ныне чувствовал Парнас,
Как ты от мест пренесщенных
И летней неге посвященных
Возрела мастерски к нему. (131)

Автор-Парнас (аллегория науки) окружен аллегориями отдельных наук: Химией, Уранией, Механикой, Географией.

Пространство Царского Села сохраняет способность проницаемости — отсюда можно видеть через пространство и время:

[Елизавета]
Подобно как орел парящий
От самых облак зрит лежащи
Поля и грады под собой. (131)
[науки] ... стирайте руки
И взор до самых дальних мест. (131)

Мы видим, что, с одной стороны, условная одическая география воплощается в реалиях Царского Села. Но одновременно одическое пространство (идеальная модель государства) дополняет и дополнительное значение — сад, рай.¹⁰

Сад-рай как политический символ разрабатывается именно в одах, посвященных Елизавете Петровне. Впервые подробно тема сада-рая в функции политического символа Ломоносовым разворачивается в связи с Елизаветой в оде 1742 года («Ода на прибытие из Голстинии ⟨...⟩ Петра Федоровича»):

Я Деву в солнце зрю стоящу ⟨...⟩
Цветет в России красной рай,
Простерт во все страны широко.
Млеком и медом напоены,
Тучнеют влажны берега,
И, ясным солнцем освещены,
Смеются зланные луга ⟨...⟩
Владеет тишина полями ... (84)

Заметим здесь же, что обязательным атрибутом сада — политического символа у Ломоносова является тишина. После этой

оды тема России-рая разрабатывается Ломоносовым достаточно подробно, например:

От ней на подданных течет щедрот поток
И разливаеся на запад и восток.
Прекрасная гора, от бога утверждена,
Елизавет, вещем и славой увязена,
Среди Росийского Рая недвижно стой. (227)

Разработка Ломоносовым описанного политического символа не выпадает из контекста дворцовой символики Елизаветы Петровны. Думается, что Ломоносов чутко и глубоко отразил стремления, с одной стороны, превратить Царское Село в символ государства, и, с другой, описать государство при Елизавете Петровне как «рай на земле».

Возникновение символа сада-рая как аналога царствования Елизаветы Петровны можно ярко проиллюстрировать на примере фейерверков. Так, на основании материалов, опубликованных Д. А. Ровинским¹², видно, что фейерверк всегда выступает как политическая аллегория, но до начала царствования Елизаветы Петровны ни разу не включает эмблемы сада. Отдаленные связи с садом возникают с развитием метафоры «царственного древа» и его «поросли», лавровых и пальмовых деревьев символов власти и побед и т. п. Так, последний доелизаветинский фейерверк имеет следующий вид: изображено три щита, на них — земной шар, Аполлон на колеснице, фигуры Крепости и Силы, Россия с древом Иоанном III обнявшимся.¹³

Первый же фейерверк при Елизавете Петровне (18 декабря 1741 года) уже имеет вид сада с фонтаном: «огненные фонтаны изъясляют кипящее в наших сердцах избыточество радости ⟨...⟩ иллюминация представляет далеко простирающуюся садовую аллею ⟨...⟩ по сторонам приятные проспекты из нескольких обсаженных деревьями аллей состоящие».¹⁴ Иллюминация, посвященная коронации Елизаветы Петровны, практически полностью повторяет одический топос государства сада-рая: изображена «высокая область, которая значит Российскую Империю. В середине оной оказывается высокая каменная гора ⟨...⟩ верх горы ⟨...⟩ высеченный монумент с именем императорского величества под короною ⟨...⟩ по обеим сторонам оное пространство кончается садом цветниками наполненными».¹⁵ Всего около половины иллюминаций, описанных Ровинским, изображают сад как символ Российской Империи (всего 13 раз). Как известно, Ломоносов принимал непосредственное участие в подготовке фейерверков.¹⁶

В этом контексте показательна и деятельность Елизаветы Петровны по перестройке Царского Села: многие перемены связываются с утверждением нового государства и вписываются в схему фейерверка. На то, что Елизавета в утверждении

своей власти Царскому Селу отводила особое место, указывают, например, такие факты. В 1734 г. на месте сгоревшей деревянной была построена каменная церковь Знамения Пресвятой Богородицы (по имени хранящейся здесь чудотворной иконы византийского письма). «По преданию, икона эта принесена в дар Алексею Михайловичу Афанасием, патриархом Константинопольским», существовала легенда, «что Петр I благословил этой иконой цесаревну Елизавету как наследницу престолола». ¹⁷ Как известно, именно богородичная чудотворная икона часто выступает символом царской власти, в том числе она связывается с установлением власти Романовых (неоднократно описывается эпизод умоления на царство Михаила Федоровича с самопронзвольным воздвижением богородичной чудотворной иконы). ¹⁸

Аналогичным по смыслу символическим актом является строительство Елизаветой церкви Святой Софии в Царском Селе по образцу Святой Софии в Константинополе.

А. Бенуа в книге «Царское Село в царствование Елизаветы Петровны» неоднократно возвращается к теме близости Царского Села Версалу: «Намерение сделать из Царского Села своего рода Версаль явилось у императрицы в первые же месяцы своего правления (...) с Царским Селом происходило то же самое, что и с его прототипом Версалем (...) он возник из неприязнителя загородного дома (...) и лишь малопомалу развился до настоящего дворца», «как Людовик XIV не позволил трогать охотничьего домика своего отца, а пожелал этот замок насильственно включить в новое архитектурное целое, так было и здесь. Елизавета в значительной степени сковала творчество Растрелли, пожелав, чтобы следы дворцовой матери и основы ее собственных построек остались бы заметными, несмотря на все добавления и нарастания». ¹⁹ Такая «многослойность», несомненно, связывалась с архитектурной памятью, стремлением создать некоторый «памятник династии». ²⁰

Оба варианта названия резиденции императрицы — и Сарское Село, и Царское Село — значимы. Сарское Село (название от Саари-Мойс, Верхней мызы) в самом деле господствовало над округой, верхней его точкой был Большой дворец — 250 футов над уровнем моря. Это название было переосмыслено в Царское Село — село царей в противовес «городу царей» (Петербург), частного и государственного, «памятника династии» и нового, чудесно возникшего города.

Сад в Царском Селе был разбит Елизаветой, став компонентом создаваемой модели «государства — сада — рая». Огромное значение уделялось Елизаветой созданию оранжереи. Именно как признак рая отражается оранжерея в Царском Селе: «Именно как признак рая отражается оранжерея в Царском Селе».

Эдемской равна красота,
Где сад богиня насаждает (...)
Цветы, меж коих Инд крутится. (129)

Такое же значение придавалось и устройству фонтанов, что было сопряжено с техническими трудностями (высокое положение местности). Фонтан — это и признак райского сада, и обязательный компонент сада в иллюминациях. В ломоносовской оде фонтан — это вода, текущая вверх вопреки законам природы:

Елизаветинным добротам
Везде подобна красота;
Примера многим лишь шедротам
Не смеет скудна дать вода
И орошать скаканьем поля;
Однако ежель оной воля
Охогу ободрит мою,
Великой в похвалу богине
Я воды обрашу к вершине,
Речет: и к небу устремлю. (129—130)

Показательно и строительство в царском Селе саду горы: Парнас — важного элемента одического пространства. ²¹

Итак, сад как политический символ со значением государственная (государства Елизаветы — «тишины») своим означением имеет изображение сада с целым набором устойчивых атрибутов и функционирует как эмблема (устойчивый сложный символ с фиксированным значением).

Сад как эмблематическому изображению Елизаветинского царствования противостоит пространство, окружающее Петра I. Наиболее развернуто оно в поэме «Петр Великий». Здесь повествование также разворачивается в условном пространстве (на фоне эмблематического пейзажа), которое оказывается политическим символом.

Поэма строится как описание путешествия Петра I на север, действие происходит на море. Море — бесконечная ровная поверхность:

Закрылись крайние пучиною леса;
Лишь с морем видны вокруг слиянны небеса.

Мотив контакта небес и моря варьируется:

[ветры]
Стремятся и вертят мглу, влагу и песок:
Перуны мрак густой, сверкая, разделяют (...)
Меж морем рушился, и воздухом предел;
Дождю навстречу дождь с кипящих волн летел. (284)

Другим важным эмблематическим компонентом этого пространства является незаходящее (остановившееся) солнце:

Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица горящего не скрыло
<...>
Среди, пречудная при ясном солнце ночи. (286)

Указанные два признака эмблематического пространства Петра I сопоставимы с особенностями «библейского пространства» Ломоносова (пространство, в котором разворачивается библейская история):

Холмов ливанских верьх дымится!
Там Наввин иль Самсон стремится!
Текут струи Евфратски вспять!
Он тигров челюсти терзает,
Волнам и вихрям запрещает,
Велит дуне и солнцу стать. (98)
Склоняи, зиждитель, небеса,
Қоснись горам, и въздымаются,
Да пакы на земли явятся
Твои ужасны чудеса. (196)

Кроме «небес, наклонившихся к земле» и «остановившегося солнца», устойчивым признаком библейского пространства являются «курающиеся холмы». Они есть и в поэме «Петр Великий», правда, без отношения к пейзажу:

Уже далеке зрю в куренни и мраке [прошлое] (310) 19

Библейский мир Ломоносова — это мир в состоянии чуда. Возникшее «внезапно», чудесным образом, петровское государство сопоставимо с библейскими чудесами, устойчивый его признак — новизна:

И шествовал по вам [холмам] пред новыми полками;
Как новы крепости и новы корабли... (283)

Эмблематически пространство Петра I изображается как «корабль в море», что синонимично «стене в пучине»:

Тебе течение пространных тесно рек:
Построй великий флот, поставь в пучине стены. (287)

Корабль описывается Ломоносовым как гора и чудо, например, в «Надписи на спуск корабля...»:

Гора, что Горизонт на суше закрывала,
Внезапно с берегу на быстрину сбежала <...>
Мы веселимся здесь в середине тех чудес. (211)

«Стеной в пучине», как и флот, является «новый город на море». Повторяющимся мотивом для описания Петра у Ломоносова является фраза типа «флот и город на море», например:

Покрытый флотом порт, среди волн грады новы < >
Взирая на дела Петровы,
На град, на флот, и на полки. (105)

Значение «стены в пучине» приобретает в поэме и Соловецкий монастырь. Он освещен незаходящим солнцем («Уже на западе восточными лучами Открылся освещен... — 287), является «стеной в пучине» («Из каменных бугров воздвигнута стена на водами ото всех сторон окружена» — 287), находится в «контакте с небесами»:

Сквозь мрак и сквозь туман,
Сквозь буйных ветров шум
Восходит к небесам поющих глас и ум. (287)

В основе создания эмблематического значения лежит, как и в случае с Елизаветой, обыгрывание имени монарха:

Елизавета-«тишина» — Петр-«камень»

На протяжении всего повествования пространство Петра («камень в море») противопоставляется пространству типа «рай». Такую функцию выполняет подводное царство по отношению к кораблю Петра, застигнутому бурей. Описание подводного царства соотносимо с «райским» пейзажем: это пейзаж с тропом на горе, диковинные животные и растения:

В недостигаемой для омертных стороне <...> (286)
Ни мразы, ни борей туда не достигают,
Лишь солнечны лучи сквозь влагу проникают. (287)

Соловецкий монастырь также является «антираем»:

<...> из дивких «каменной град <...>
От мира отделись и морем и святыней,
Пример отеческих от древних лет пустыней,
Лишь только лишены приятнейших плодов
От древ, что подают и пищу и покров;
Не может прозвезеть короткое их лето;
Снегами в прочи дни лице земли одето. (287)

Таким образом, описание целого ряда событий в поэме «Петр Великий» (Петр попадает в бурю, Петр строит крепости и корабли, видение подводного царства, посещение Петром Соловецкого монастыря) могут быть прочитаны как эмблемы, причем все эти описания сводятся к двум эмблемам: «стена в пучине» и «сад». Елизаветинское царствование (с признаками сада-рая) неоднократно контрастно сопоставляется в поэме с петровским; даже войны, которые ведет Елизавета, описываются как райский пейзаж:

Дыханья нежные, рожденные весной,
Повеют, бодрому спешествуя строю;
Прохладная роса от благовоющих трав
К отраде вам прольет обильные забав.
Богатые плоды в дни летние пожните,
Монархине своей сториичный принесите. (298)

«Петровы стены» в поэзии Ломоносова последовательно обозначают Петербург. Интересно противопоставление Петербурга как севера и зимы Царскому Селу как «весне среди осени» и «югу среди севера» в «Письме к его высокородию Ивану Ивановичу Шувалову» Ломоносова. Биографической основой письма является та же поездка Ломоносова в Царское Село, которая описана в «Царскосельской оде». Здесь Царское Село описывается следующим образом:

Ты следуешь за ней [Елизаветой], любезный мой Шувалов,
Туда, где ей Цейлон и в севере цветет,
Где хитрость мастерства, преодолев природу,
Осенним днём даёт весны прекрасной вид
И принуждает вверх скакать высоко воду,
Хотя ей тягостно вниз и жидкость течь велит. (235)

Свое же пребывание в Петербурге Ломоносов описывает следующим образом:

Вспомнани, что мой покой дух не знает,
Вспомнани мое раченье и труды.
Меж стен и при огне лишь только обращаюсь;
Отрада лето, когда о лете я пишу (<...>
Однако всего мне с весной возвратится,
Я оных красотой и в зиму наслаждаюсь... (236)

Здесь Петербург и без присутствия или упоминания Петра сохраняет признаки «петровского пространства»: это пространство «рачений и трудов», где «покой дух не знает» (Ломоносовым всегда подчеркиваются «дела» и «труды» Петра), зимы и севера, пространство остановившегося солнца (здесь — невоходящего, автор постоянно «при огне»), это «стены».

Еще одна модификация эмблемы «корабль в море» («стены в море») — это «ковчег во время потопа». В «Оде на прибытие императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург» Бог-Отец говорит:

Я в гневѣ россам был творец,
Но ныне пакн им огец. (86)

Сотворение России Ломоносов связывает с Петром Великим, а благоденствие — с Елизаветой. Это даёт еще одно значение описываемой эмблемы:

Утешил я в печали Ноя,
Когда потопом мир казнил.
Дугу поставил в знак покоя
И тою с ним завет чинил.
Хотел Россию бед водою
И гневною казнить грозою... (86)

В описаниях фейерверков, посвященных Петру I, находим соответствующую идеологему «Петр — Ной» эмблему: «изображен ковчег, остановившийся на скале» с девизом «Утешая по волнению».²³ Такое дополнительное значение описываемой эмблемы помогает понять изменившуюся в поэме «Петр Великий» позицию повествователя. Он, как и в оде, находится на вершине Парнаса:

Стремлюся на Парнас как легкими крылами (281)

Но такое положение повествователя уже не обеспечивает точности зрения сверху. Повествователь поднимается на Парнас:

Дабы яснее зреть с высоких мест и красных
Петра в волнах, во льдах, в огне, в бедах ужасных
И славы истинной в блистающих лучах... (285)

Но оказывается среди волн:

Я на земли стою, но страхом колебаюсь
И чаю, в водах свирепых попружаюсь!
Мне всякая волна быть кажется гора. (285)

Повествователь, как и в одической ситуации, находится на Парнасе, Петр — на Олимпе, но в ситуации потопа Олимп оказывается скалой среди волн, а «красной рай» России, как и описано в поэме (где признаки рая получает подводное царство), — под водой.

Таким образом, в описаниях и Елизаветинского, и Петровского царствования мы находим одно и то же условное пространство, которое организует повествование и имеет значение идеального государственного пространства. Но, будучи эмблемой государства Петра I или Елизаветы, оно различно семантизируется.

Две описанные политические эмблемы функционируют аналогично, что довольно хорошо видно на примере двух изданий «Символов и эмблем». В издании 1705 года²⁴ на титульном листе изображен Петр I (портрет) в окружении эмблем, среди них — скала среди бушующего моря с девизом «Неподвижна однакоже». В издании Нестора Максимовича-Амбодика²⁵ в этой функции выступает следующее эмблематическое изображение: среди регулярного сада возвышается гора, покрытая государственными гербами, на вершине вензель Екатерины II (эм-

блема «сад» после Елизаветы перешла к Екатерине, в том числе и в одах Ломоносова²⁶).

Таким образом, «сад» как государственная эмблема, описывающая государство-рай, актуализируется в период царствования Елизаветы Петровны при активном участии Ломоносова и функционирует в русской культуре XVIII века в составе оппозиции:

«сад» — «скала в море»;

при этом оба члена оппозиции оказываются ценностно уравненными и означают два типа идеальной государственности. Как пространственные, обе эмблемы выступают в функции модели идеального пространства текста, которое может быть реализовано (Царское Село — Северное море).

Предложенное прочтение од Ломоносова как описания реальных событий, а эмблем, замещающих эти события, является лишь одним из возможных прочтений. Кроме того, описанные в статье значения эмблем не являются единственными в сложной системе государственно-политической символики од Ломоносова.

Примечания

- 1 Семантика садово-парковых произведений подробно рассматривается в кн.: *Лихачев Д. С. Поэзия садов*. — Л., 1982.
- 2 *Ломоносов М. В. ПСС*. — М. — Л., 1959. — Т. 8. — С. 984; *Ломоносов М. В. Избранные произведения*. — Л., 1986. — С. 505.
- 3 *Пушлянский Л. В.* Очерки по литературе первой половины XVIII в. // XVIII век: Сб. статей и материалов. — М. — Л., 1935. — С. 123.
- 4 *Ломоносов М. В.* Избранные произведения. — Л., 1986. — С. 156. Далее указания на это издание в тексте.
- 5 Необходимо учитывать, что в христианской (шире — библейской) символике дверь — рубеж из мира земного в мир небесный, например, о Боге: «Он повелел облакам свистеть, и отверз двери неба» (Исая, гл. 66, стих 23). В Евангелии Христос — и «стоящий у двери», и сама дверь:
- 6 Поэтому Христос есть пастырь овцам (Иоанн, 10,2)
Я дверь овцам (Иоанн, 10,7)
Я есмь дверь: кто войдет мною, тот спасается (Иоанн, 10, 9)
- 7 Поэтому Христос в славе — символ небесной двери — размещается на дверях внутреннего храма, т. е. на Царских вратах, которые и сами — символическая дверь.
- 8 *Морозов А. А.* Михаил Васильевич Ломоносов // *Ломоносов М. В. Избранные произведения*. — Л., 1986. — С. 43.
- 9 *Ломоносов М. В. ПСС*. — М. — Л., 1955. — Т. 4. — С. 370.
- 10 Там же С. 374.
- 11 На значение символа сада «рай» указывает ряд исследователей, на-

пример: *Лихачев Д. С. Поэзия садов*. — Л., 1982. — С. 17; *Цивьян Т. В. Verg Geogr.* IV, 116—145: к мифологеме сада // Текст: семантика и структура. — М., 1983. — С. 140—151.

11 Тема тишины подробно рассмотрена в работах *Л. В. Пушлянского*, см., например: *Пушлянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век*. Сб. 14. — Л., 1983. — С. 27—36.

12 *Ровинский Д. А.* Обзорные иконописания в России до конца XVII века. Описание фриз-верков и иллюминаций. Изд. А. С. Суворина, 1903.

13 Там же. С. 223.

14 Там же. С. 225.

15 Там же. С. 231.

16 *Морозов А. А.* Указ. соч., с. 45—46.

17 *Бенда А. Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны*. — СПб., 1910. — С. 25.

18 См., например: Сказание Авраамия Палицына. — М. — Л., 1955.

19 *Бенда А. Указ. соч.*, с. 78.

20 Отражение представления о царском дворце как хранилище «династической памяти» можно найти в следующем эпизоде: Петр I «найдя Преображенский дворец свой ветхим, дал повеление (...) починить его, переменяя несколько бревен». Ретивый боярин из усердия «расудил, сломав его, построить новый». Петр рассердился: «Я именно приказал починить его, а не вновь построить (...) велел подать огня и сам зажег оный, который и сторел до подошвы». — Анекдоты, касающиеся до Петра Великого, собранные Иваном Голиковым. — М., 1798. — С. 427—428.

21 *Бенда А. Указ. соч.*, с. 198.

22 Корабль может в описаниях Петра I замещать государственные регалии — трон, скипетр, например: «Вся церемония со стороны Государя состояла в том, что он по прибытии посла на корабль снял свой кортик и отдал оный (...) опоясал (...) шпагу, и принял посла, стоя у мачты». Анекдоты, касающиеся до Петра Великого..., с. 402.

23 *Ровинский*, с. 196.

24 Символы и эмблемата. — Амстердам, 1705.

25 Эмблемы и символы (...) во граде св. Петра напечатанные и исправленные Нестором Максимовичем-Амбодиком. 1788.

26 Ср., например:

Луга, кустарники, приятны высоты,

Пример и образец Едемской красоты <...>

Или что мечет с вас золотая блеск гора,

Откуда видим град Великого Петра?

Гора, или то дом, Богом земным пристойной,

К отдохновению Величества спокойной?

Всех больше красит сей Екатерина край:

При ней здесь век золотой и расцветает рай. (*Ломоносов М. В. ПСС*.

— М. — Л., 1959. — С. 806 («На Сарское Село»).